
Эволюционизм и креационизм

[Лев КРИВИЦКИЙ \(Беларусь\)](#) - 14 июля 2017

Body

Религиозно-философские основы креационизма.

Эволюционизм как основа научного мировоззрения представляет собой способ объяснения мира, альтернативный креационизму (от лат. «creatio» - создание, творчество), согласно которому мир в целом, обнаруживаемые в нём процессы и явления объясняются творческой, созидательной деятельностью и управляющими воздействиями внемировых существ – единого Бога, пантеона богов или каких-либо других духовных субстанций (брахмана в Индии, Дао в Китае и т.д.).

Постоянный конфликт эволюционизма с креационизмом обусловлен тем, что первый из них основан на знании и представляет собой итог всего многогранного процесса познания мира, тогда как второй вытекает из мифологической традиции и основан на наивном антропоморфизме и вере в чудеса. Собственно, в основе креационизма лежит не столько вера в беспредельные творческие возможности Верховного мифологического существа, сколько в его способность создавать из ничего, превращать слова, мысли или трудовые действия в материальные объекты и целые миры, овеществлять свою волю, создавать по приказу то, что задумано, и затем определять, хорошо это или не хорошо. Понятно, что креационистские объяснения создаются путём копирования человеческой созидательной деятельности. Ведь творчество, по крайней мере, в его человеческих проявлениях протекает в постоянном преодолении затруднений, в сомнениях, борьбе с самим собой, конфликте с материалом и с собственными произведениями. Тезис о всемогуществе творящего существа, вообще говоря, исключает необходимость творчества. Скорее речь идёт о деспотической власти, которая не нуждается в муках творчества и делает, что хочет, не подчиняясь законам и сразу же воплощая слово в закон. Однако библейская мифологическая картина мира, изложенная в самом начале библии и являющаяся главным источником креационистского объяснения мира, исполнена драматизма и своеобразного трагизма личности Бога как абсолютно доброго Существа, создавшего мир, который не соответствует Его ожиданиям, и человека, который, будучи образом и подобием Божьим, совершает грехопадение и создаёт социальный мир, в котором так много зла. Отсюда для креационистов возникает необходимость в теодицее, т.е. в

оправдании Бога за наличие зла в мире. Уже в самом таком оправдании содержится кощунство, непочтительное отношение к Богу, своеобразная философская ревизия библейского креационизма. Но теологи и религиозные философы совершают это кощунство вследствие необходимости объяснить логическое несоответствие между атрибутами Бога как всемогущего, всеведущего и абсолютно доброго Существа и наличием зла в мире и человеке. В конечном счёте сама потребность в теодицее возникает вследствие вопиющего несовпадения креационистской картины мира с реальным миром как продуктом естественной эволюции.

Согласно классической теодицее, Бог терпит зло лишь потому, что наделил человека свободой воли и создал для него (по Лейбницу) наилучший из возможных миров. Понятно, что подобные взгляды и оправдания возникают лишь под натиском науки, требующей по итогам эпохи Просвещения разумного объяснения, а не описания чудес. Под натиском науки креационизм фактически вынужден рационалистски трактовать образ Бога, который создал мир, совершенно не соответствующий творческому потенциалу абсолютного доброго и всемогущего существа. Одним из таких оправданий служит наличие Дьявола, который, восстав против Бога подобно земным бунтарям, воплощает в себе абсолютное зло, портит устройство Вселенной и соблазняет человека на дурные дела. Тем самым с Бога снимается ответственность за жестокость и стихийность природного и общественного мира, она перекладывается на плечи человека в силу его свободного выбора между добром и злом. Ещё одна уловка креационистического мышления – рассмотрение зла как наказания людей за грехи и приверженность злу. Миф об абсолютно добром и всеведущем Боге, который для испытания человека попустительствует Дьяволу, насылает козни и эпидемии, подвергает геноциду целые народы, противоречит логике и не выдерживает никакой критики. Пути Господни поистине неисповедимы. Всё это вполне наглядно демонстрирует несовместимость разума с религиозной верой, креационистских рациональных объяснений с верой в чудеса. Теодицея несостоятельна с рациональной точки зрения, креационизм может строиться лишь на слепой вере.

Для креационизма в целом присущи следующие неотъемлемые свойства, которые определяют его доводы и выпады против эволюционизма:

- антропоморфизм, то есть представление о человекоподобной, а не естественной сущности происхождения и развития мира;
- идеализм, то есть выведение материи из сознания;
- парадоксальное сочетание нарочитого антиэволюционизма с наивным эволюционизмом, пытающимся объяснить мир, исходя из эволюции сверхъестественного надэволюционного существа;
- мифологизм, то есть признание существующими мифологических персонажей и признания за ними способности создавать весь многообразный мир;
- вера в чудеса, т.е. в реализацию воли и желания Создателя противоестественным путём;
- догматизм, то есть следование догматам символа веры и Священного Писания вопреки эволюции реального познания мира;
- антисциентизм, то есть противостояние научной картине мира, стремление опровергнуть научные истины или ограничить возможности научного познания сферой непосредственного контакта с природой;
- специфический агностицизм, выражающийся в скептическом отношении к возможностям проникновения человеческого познания в глубинную сущность бытия;
- религиозная гордыня и амбициозность, выражающиеся в убеждении, что какие-то древние писания содержат больше истины, чем многовековые усилия реального познания, опирающегося на практику, технику, научную методологию и экспериментальную базу;
- бездоказательность суждений о бытии.

Следует отметить, что само по себе признание эволюции фактором, определяющим качественные характеристики объектов живой и неживой природы, не влечёт за собой

автоматического отказа от креационизма и идеи Бога как вездесущего, творящего мир Высшего существа. Бог может рассматриваться как управленческая инстанция, наблюдающая за ходом эволюции и определяющая этот ход, либо «подправляющая» его своим вмешательством. Так, у Гегеля, эволюцию явлений определяет духовная эволюция самопознающей Идеи, у А. Бергсона – творческая эволюция на основе потока сознания Создателя, у Тейяра де Шардена – эволюция от «пункта Альфа» к «пункту Омега» и т.д. Длительный период времени в развитии самых различных наук преобладало парадоксальное сочетание креационистских и эволюционных объяснений открываемых наукой феноменов. Именно такое сочетание лежало в основе «теории катастроф» Кювье и многих его коллег и оппонентов в истолковании фактов геологической науки. История биологии XIX века свидетельствует, что такие выдающиеся учёные, как Л. Агассис, его ученик Дж. Ле Конт, А. Броньяр, А. Седжвик, А. д'Орбиньи, будучи сторонниками креационизма и пропагандистами теологического катастрофизма, пытались подвести под обоснование этих взглядов открываемые ими факты науки. И каков итог? Критикуя эволюционизм и пытаясь его опровергнуть, они, вместе с тем, внесли весьма значительный вклад в его формирование и развитие.

Эволюция творческих, созидательных сил человечества в науке и практике всё дальше оттесняет мифологически объяснения в сферу непознанного и приводит, в конечном счёте, к идее эволюции как единственного, единственно возможного источника всего сущего. Само понятие эволюции нацеливает мировоззренческую основу человеческого познания на поиск источников процессов и явлений окружающего мира внутри самого этого мира, а не в проявлениях творческой воли неких антропоморфных существ, наделённых сверхъестественным могуществом и статусом божеств. Эволюционистские объяснения поддерживаются всей системой уже накопленных и постоянно пополняемых знаний, тогда как креационистские имеют своим источником незнание в виде либо неполноты научных знаний, либо невежества в отношении уже полученных наукой знаний, либо ничем не обоснованных сомнений в достоверности этих знаний.

Современный креационизм против эволюционизма.

Современный креационизм представляет собой серию разнообразных попыток «онаучить» и осовременить богословский догмат о сотворении Богом мира из ничего в соответствии с библейской историей создания мира, а также о творении Богом каждой человеческой души. Этот догмат воплощается в основополагающий тезис философских теорий, противостоящих эволюционизму в объяснении происхождения окружающего человека космоса (космогонии) и устройства Вселенной (космологии). Перенимая в соперничестве с научно-эволюционным мировоззрением под влиянием открываемых наукой фактов некоторых элементов эволюционизма, креационисты настаивают на управлении эволюцией Божественным Провидением и подчинении эволюционных процессов Божественному предначертанию и плану.

Начиная с 30-х годов XX века складывается так называемый научный креационизм, стремящийся использовать научную методологию для опровержения эволюционистской науки и обоснования сверхъестественного управления природными процессами. Изданная в 1961 г. в США книга теолога Д. Уиткомба и инженера-гидравлика Г. Морриса «Поток из книги Бытия» явилась наиболее фундаментальной попыткой совместить библейскую историю с научной геологией в объяснении истории Земли. При этом, как и в критике эволюционной биологии, указывалось на ограниченность знаний, служащих основой эволюционистских выводов, о наличии некоей высшей силы, продвигающей эволюционные процессы, более глубокое знание о которой зафиксировано в Библии. Книга выдержала более 40 изданий и имела бешеный успех. В 1963 г. под руководством Г. Морриса в Сан-Диего (Калифорния) создается Креационистское исследовательское общество и Институт креационистских исследований, подобные общества возникают и в других странах. После этого на прилавки книжных магазинов хлынул громадный поток

креационистской литературы. Особую известность получили последующие книги лидера «научного» креационизма Г. Морриса с популистскими названиями. В 1963 г. была издана «Эволюция в сумерках», в 1970 – «Библейская космология и современная наука», в 1971 – «У Библии есть ответы», в 1974 – «Научный креационизм».

Множество «научных» опровержений науки издали и соратники Г. Морриса по борьбе с эволюционизмом. Следует отметить, что «научный креационизм» развивали представители некоторых протестантских конфессий. Эти конфессии финансировали ежегодно издание десятков книг и брошюр, выбрасываемых на рынок по низким ценам. Был учрежден и целый ряд периодических изданий, пропагандировавших последние достижения «научного» креационизма: «Креационист», «Новости библейской науки», «Акты и факты», «Ежеквартальник общества креационистских исследований» и т.д. Вскоре креационизм стал мимикрировать под науку и функционально. В креационистских организациях заслушивались доклады и сообщения, защищались диссертации, присваивались научные степени.

До конца 70-х – начала 80-х годов XX века креационистские сочинения пользовались широкой популярностью наряду со столь же псевдонаучными сочинениями астрологов, парапсихологов, специалистов по телепатии, телекинезу, полтергейсту, «летающим тарелкам», «голубым человечкам» и прочим мистическим феноменам. Однако в 80-е годы волна популярности всех этих форм издевательства над наукой пошла на спад. Что могли предложить широкой публике креационисты? Только стандартный набор цитат, доводов, сомнений в достоверности научных фактов и теорий, ворчливой критики, выпячивания противоречий между различными научными школами и нудного повторения древних мировоззренческих представлений, наивность которых была доказана всем ходом развития научного познания. Все это утратило флер сенсационности и стало надоедать и даже раздражать рационально мыслящую аудиторию.

Экспансия креационизма в печатных изданиях сопровождалась столь же агрессивной экспансией в сфере образования.

Особенно жёсткое противостояние между сторонниками креационизма и дарвинизма развернулось вокруг преподавания дарвинизма в США. Только в 1967 г. в штате Теннесси были внесены поправки в закон об образовании, устранившие запрет на изложение в школах учение Дарвина. Ещё в 1925 г. по этому закону был подвергнут уголовному преследованию школьный учитель биологии, который, к счастью, благодаря вмешательству широкой общественности отделался денежным штрафом.

Серьезные подвижки начались только во второй половине 80-х годов, когда Конституционный суд США вынес постановление о недопустимости в соответствии с Конституцией запретов на преподавание теории эволюции и нарушение прав на преподавание, как теории творения, так и теории эволюции. На законодательном уровне, таким образом, обе системы взглядов предстали как две равноправные теории. Однако при этом была также признана недопустимость осуждения теории эволюции в процессе преподавания теории творения в государственных школах. О недопустимости же научной критики креационизма в данном документе не говорилось.

Несмотря на это решение высшего конституционного органа креационистские общества в ряде штатов США с 1995 г. с ещё большей активностью стали добиваться принятия законодательных мер по исключению дарвинизма из курсов преподавания биологии в государственных учебных заведениях. В 1999 г. они добились своего при утверждении учебных планов в штате Канзас. Однако протесты учёных самых различных стран и вмешательство прессы заставили крайне консервативные круги отступить, и в августе 2002 г. эволюция вернулась в школьные программы штата.

В другом штате – Алабама – с 1995 г. действует закон, в соответствии с которым любое издание, излагающее теорию биологической эволюции, должно иметь наклейку, характеризующую дарвинизм как спорную теорию, признаваемую некоторыми учёными для объяснения появления живых существ.

О чём всё это говорит? Прежде всего – о высоком мировоззренческом значении эволюционизма, о его колоссальной убедительной силе и высочайшей

конкурентоспособности, побуждающей сторонников устаревших мировоззрений, ощущающих своё бессилие в честной дискуссии, прибегать к приёмам нечестной конкуренции, попыткам введения цензуры, всевозможным ухищрениям и софизмам, прямому обману. Даже в США, стране наивысшего развития науки и техники, где триллионы долларов тратятся на инновационные исследования и разработки, не прекращаются до сих пор попытки использовать демократические институты для лоббирования средневековых методов искоренения эволюционных идей. Всё это происходит именно из-за ключевого мировоззренческого значения этих идей. Никому ведь и в голову не придёт выбрасывать из учебников какие-то разделы физики, химии, математики или технических наук.

Одной из часто повторяющихся уловок креационизма является тезис о якобы аморальности эволюционного учения. Человек произошёл от обезьяны, а не был создан по образу и подобию Божию – значит, у него якобы есть моральное право вести себя как обезьяна, следовать своим животным инстинктам, пренебрегать нравственными нормами и высокой духовностью, которыми будто бы наделяет человека только вера во всемогущего Творца. Свобода, которой наделяет человека эволюционное мировоззрение – есть свобода от Бога, а значит – свобода для греха. Кто не раб Божий, тот раб греха. Однако рабская психология и страх перед властью никогда не были и не будут источником высокой морали. Независимо от того, изложены ли основания для подобного подхода к морали в Священном писании или в «Моральном кодексе строителей коммунизма». Налицо явная подмена тезиса – нарушение логики, вскрытое ещё Аристотелем. Вопрос об истинности креационистского или эволюционного учения, о соответствии теории фактам подменяется вопросом о нравственном значении тех или иных положений. Но именно истинность эволюционного мировоззрения, а не заблуждения креационизма пролагает путь к нравственному спасению человечества, к эволюции нравственности, к созиданию нравственных ценностей, в основе которых лежит этика свободы и гуманизма.

Другой излюбленной уловкой креационизма является отождествление эволюционного мировоззрения и тоталитарной идеологии. При этом неизменно указывается на поддержку дарвиновского учения в Советском Союзе, на роль эволюционного учения в качестве одного из краеугольных камней марксистского атеизма, на нарушения в СССР принципа свободы совести, гонения на религиозные конфессии и т.д. Подобное отождествление эволюционного мировоззрения с идеологией советского коммунизма представляет собой прямую клевету на научный эволюционизм. Да, тоталитарная идеология присваивала себе право выступать от имени до конца научного, единственно верного учения, преобразующего мир. Причём на том же основании, на каком креационисты присваивают себе право на знание абсолютной истины, поскольку она содержится в Священном писании. На самом же деле в СССР использование ряда выдающихся научных достижений, в том числе и теории эволюции, проходило в контексте формирования и распространения необычайно фантастической, ультрамобилизационной религии, которая очень многое заимствовала из традиционного креационизма. Полное, тотальное разрушение старого и построение на его обломках нового мира «светлого будущего» ничего общего не имеет с научно-эволюционным мировоззрением. Это – типичный креационизм, который мимикрирует под науку и превращает партию и её вождей в демиургов действительности. Борьбе этой формы креационизма с альтернативными верованиями служил агрессивный атеизм, не имеющий ничего общего ни с научно-эволюционным подходом к религии, ни с эволюционным мировоззрением вообще.

Встраивание эволюционного учения в систему тоталитарной идеологии привело к мутации теории эволюции, её превращению в типично креационистскую, антинаучную теорию – лысенковщину, которая создала идеологическое обоснование преследований научных школ, занимавшихся генетикой и селекцией растений, обещала сотворить чудеса преобразования природы путём систематического насилия над ней и так же бесславно закончила своё существование, как и сама сталинская диктатура, которая её вскормила и

взрастила.

Да, последовательный эволюционизм не нуждается в Боге или других сверхъестественных существах для объяснения природы и истории, он в этом смысле выступает основанием для формирования материалистических и атеистических убеждений. Но это совсем иной материализм и атеизм, совсем иное мировоззрение, иная идеология и иная вера. В развитие эволюционного учения вносят весомый вклад и учёные, входящие в число верующих традиционных религий. Последовательный эволюционизм несовместим с травлей инакомыслящих и преследованиями за убеждения. Универсальный эволюционизм есть одновременно и научно обоснованный «креационизм», ибо он связан с верой в творческие возможности человека, его способность творить окружающий мир по законам человечности, добра и красоты. Похоже на коммунистическую религию? Только если есть очень большое желание спутать. По своей природе эволюционно-гуманистическая вера и связанный с ней «креационизм» как раз альтернативны любым попыткам представить процесс «сотворения» мира как осуществление диктаторской, насильственной воли, от кого бы эта воля ни исходила – от Властителя неба или любого земного властелина.

Весьма характерно, что после окончания Второй мировой войны в Германии креационисты делали неоднократные попытки отождествить дарвинизм с нацистской идеологией, утверждая, что происхождение человека от обезьяны было взято за основу той грубой, звериной борьбы за существование, которую нацизм возвёл в ранг основной цели германской нации.

Всё более широкое распространение эволюционного мировоззрения, рост его популярности и влияния на широкие массы людей в промышленно развитых странах побуждает многих сторонников креационизма изменить стратегию и тактику борьбы с эволюционизмом, перейти к ограниченному признанию эволюции с тем, чтобы поставить её в зависимость от Провидения Божьего. Последним прибежищем претензий на научность креационистской доктрины выступает теория «Божественного плана», в соответствии с которым происходит управление эволюционными процессами.

С 1992 г. на территории США формируется и распространяется на другие страны новое течение в «научном» креационизме – креационизм разумного замысла, ставящий своей целью выявить участие замыслов Творца в формировании закономерностей эволюционных процессов. На место движущей силы эволюции, действующей в самой природе, подставляется Бог, осуществляющий свои планы и замыслы через естественные эволюционные процессы, управляющий ими как бы из-за кулис. «Ненаучная новизна» и преимущество такого подхода заключается в том, что Всемогущий Творец уже не противопоставляется эволюции как враждебная ей волюнтаристская система, а направляет эволюцию в соответствии со своими замыслами, программами и планами с целью преодоления хаоса, создания наилучшего порядка и обеспечения прогресса. И в религиозных кругах постепенно распространяется понимание необходимости принятия варианта креационизма, совместимого с теорией эволюции, соответствующим образом подправленной. Ещё в середине XX века в рамках религиозной, близкой к католицизму философии была предпринята уникальная попытка совместить эволюционное учение с верой в Бога. Речь идёт о работах выдающегося учёного-философа, палеонтолога, антрополога, археолога и биолога Тейяра де Шардена, члена ордена иезуитов, в которых выражается учение о Боге как наивысшей форме эволюции. Эволюция, по Шардену, начинается в точке Альфа и проходит через этапы «преджизни» (неорганической природы), «жизни» (органической природы), «мысли», «ноосферы» (человеческого общества и духовного мира человека), наконец, переходит в точку Омега (Бога).

Однако в то время модернистские философские концепции, настаивавшие на легализации идеи эволюции на церковном уровне, одной из наиболее радикальных среди которых была концепция Тейяра, были отвергнуты католической церковью как еретические. Высшие круги церковной иерархии почувствовали угрозу со стороны

попыток модернизации, способных расшатать незыблемое тысячелетиями здание религиозной догматики, вызвать внутренние дискуссии и как итог – новый протестантизм, раскол и катастрофу церковной организации. Католическая церковь предпочла сохранить канонизацию своей философской основы на принципах, сформированных Фомой Аквинским, его теории двойственной истины. Суть теории заключается в жёстком разделении истины на духовную, навечно зафиксированную в Священном писании, и материально обусловленную, открытие которой доступно развивающемуся научному познанию.

На модернистские поползновения, инициированные тейярдиизмом, папа Пий XII в 1950 г. ответил циркулярным письмом под красноречивым названием «Некоторые неверные представления, которые подрывают основы католического учения». В этом письме говорилось, что верующие во Христа не должны придерживаться точек зрения, несовместимых с Библией, что некоторые учёные, работающие в сфере биологии, антропологии и истории (не называя фамилий!) преднамеренно нарушают церковные предписания и предостережения. Папа римский признавал, что составители Ветхого завета пользовались народными сказаниями, о чём можно судить по его тексту. Однако, по его мнению, они делали это с Божьей помощью, которая оберегала их от ошибок при выборе и вынесении суждения по каждому документу.

Вместе с тем именно католическая церковь под давлением обстоятельств оказалась наиболее способной к эволюции в сторону принятия основных положений теории эволюции. В октябре 1996 г. папа Иоанн Павел II объявил, что теория эволюции с точки зрения католического вероучения должна считаться приемлемой. Этот «решающий шаг» пока ещё ничего не изменил. Но он стал вехой на пути неизбежного поворота традиционных религий и связанного с ними креационизма к признанию истинности эволюционной теории и приданию креационизму форм, позволяющих сосуществовать с развивающимся научным мировоззрением. В этом отношении католическая церковь также прошла колоссальный путь эволюции от средневекового варварства, выразившегося в репрессиях инквизиции к выработке приспособительных идеологических механизмов, отражающих мировоззренческие ориентации людей в третьем тысячелетии нашей эры. Однако креационизм обречён и дальше отступать перед нарастающей мощью, объяснительной и убедительной силой научного мировоззрения, и признание «приемлемости» эволюционной теории, как и попытки сочетания креационизма «наверху» с эволюционизмом «внизу», свидетельствуют лишь о несостоятельности креационизма, его неконкурентоспособности по сравнению с системой научно-эволюционного мировоззрения.

В XV-XVII веках креационисты утверждали центральное положение Земли и преследовали учёных за распространение и развитие учения Коперника. В XX веке эпоха космических полётов заставила признать правоту научной астрономии и официально извиниться за репрессии инквизиции. С конца XIX века креационисты развернули «идеологическую борьбу» против эволюционного учения. В конце XX века пришлось проявить христианское смирение и признать приемлемость эволюционизма. Суть проблемы ведь вообще не сводится к признанию либо отрицанию отдельных положений каких-то теорий. Она заключается в принципиальной несовместимости мифологической и научно-эволюционной картины мира в целом. И кто хочет добиться их совмещения, вынужден грешить против логики и произвольно искажать добытые наукой факты (и, кстати, искажать и Священное писание) в своём неуёмном стремлении модернизировать древнее мировоззрение и приспособить его к фактам науки.

Вслед за католичеством англиканская церковь в Великобритании предприняла существенные шаги по урегулированию своих взаимоотношений с дарвинизмом и согласование своих догматов с теорией эволюции.

Дискуссии по поводу ограниченного признания либо полного отрицания эволюционизма оживились в последние годы и в кругах православных богословов, иерархов и священнослужителей. Полемизируя с греческим богословом Александром Каломирсом, утверждавшим неразделимость Святого Писания и эволюционного мышления, иеромонах

Серафим в работе «Православный взгляд на эволюцию» утверждает (и совершенно справедливо!) неразделимость православия и креационизма. Он рассматривает эволюционизм как ложную философию, изобретённую на Западе в качестве реакции на католическо-протестанскую теологию. Эта философия лишь маскируется под науку (См.: В тени дарвинизма. Альтернативные теории эволюции в XX веке – СПб.: Финеда-пресс, 2003 – 248 с., с. 150-152).

Полемизируя, в свою очередь, с отцом Серафимом, диакон Андрей Кураев в работе «Может ли православный быть эволюционистом?» защищает тезис о совместимости православного мировоззрения как с креационизмом, так и с эволюционизмом. Теория эволюции не касается вопросов спасения, не осуждена соборами, не противоречит догматам, а лишь вызывает разногласия между различными отцами церкви. Кураев считает «научный» креационизм посторонним по отношению к православной традиции, а относящимся к протестанской традиции, чуждой православию (Там же, с. 152). Он полагает неотделимыми от библейской картины три основных тезиса: жизнь, как и весь мир, возникает постепенно; мир способен творчески откликаться на призывы Бога; без направляющего разума сама по себе эволюция мироздания ни к чему бы не привела (Там же, с. 151). Все эти три тезиса – не что иное, как типичный креационизм.

В целом между православными креационистами и псевдоэволюционистами различий не очень много. Они только разбивают «яйца» креационизма с разных концов. Вообще для современного православия свойственно застывание и оскудение философской мысли. Исключение составляет, пожалуй, только отец Александр Мень, в книгах которого очень глубоко вскрыта эволюция религиозных идей. Она рассматривается как прогрессивное развитие, вершиной которого является христианство в лице православия. Тем самым, в философию религиозного мышления допускается эволюционизм. Но если сама религия эволюционировала и прогрессивно развивалась, то почему не допустить подобную эволюцию в природе и человеческой истории?

В первое десятилетие XXI века экспансия креационизма в массовое сознание вновь имела определенный успех. Можно констатировать определенную цикличность в извечной конкуренции консервативно-традиционалистских и либерально-свободолюбивых идей при постепенном эволюционно подготовленном вытеснении первых и распространении последних. Относительный реванш креационистского фундаментализма был обусловлен дальнейшим ослаблением позиций синтетической теории эволюции, нарастанием кризиса биологического эволюционизма и очередным традиционалистским поворотом в массовом сознании (особенно в постсоветских странах).

Российский ученый Э. Колчинский приводит следующую сводку данных социологических исследований, свидетельствующую о распространенности креационистских и эволюционистских идей в массовом сознании граждан различных стран:

«Согласно опросам общественного мнения в США позиции фундаменталистов весьма прочны и около 57% считают себя скорее креационистами (но категорически отвергают учение Ч. Дарвина только 30%). Больше противников теории эволюции только в Турции – около 90%. В Европе и Японии около 80% принимают концепцию эволюции. Особенно сильны позиции теории естественного отбора в Англии и Франции, где более половины населения выступают убежденными сторонниками дарвинизма и только 10% относят себя к его твердым противникам, а 12% склоняются к идее «Разумного замысла». В России сторонников Дарвина и учения о «божественном» происхождении человека поровну – по 24%. 35% респондентов выступают за сохранение теории Дарвина в школьной программе. Оживление неокреационизма в США, Западной Европе и России авторы социологических опросов объясняют резким падением уровня школьного образования во всех странах» (Колчинский Э.И. От юбилея до юбилея: эволюционный синтез в социально-культурном и когнитивном пространстве за последние полвека – В кн.: Идея эволюции в биологии и культуре – М.: Канон, 2011 – 640 с., с. 32 - 33).

Неизвестно, насколько точны приведенные в этой сводке данные, но в целом они с известными погрешностями отражают расстановку сил на поле идеологического конфликта между традиционалистским и научным миропониманием. Распространению

креационизма в массовом сознании способствует и отрыв науки от массовой аудитории, снижение уровня мобилизационной активности людей науки в отстаивании истинного знания. Специализированная неклассическая наука углубилась в изучение частных проблем и зачастую испытывает позитивистски мотивированное пренебрежение к мировоззренческим проблемам как некоей оторванной от решения конкретных задач метафизической проблематике.

Многие ученые не желают вступать в конфликты с религиозными институтами, нередко принадлежат к тем или иным религиозным конфессиям или же просто с иронией или безразличием относятся ко всему, что происходит за пределами научной деятельности. Снижение мобилизационного потенциала дорого обходится науке, ограничивая ее социальную значимость и влияние на общественный прогресс. Ограниченной оказывается и просветительская функция науки.

Тем не менее в условиях интенсивно развивающегося инновационного общества наука обладает достаточными средствами, чтобы отстаивать свои позиции в образовании и культуре. В 2006 г. Академии наук 68 стран выступили с совместным обращением к общественности, в котором указали на чрезвычайную опасность для развития экономики, техники, науки и культуры попыток навязать креационистские догмы системе высшего образования. Весьма характерно, что Российская академия наук присоединилась к этому обращению лишь в 2009 г.

В 2007 г. Парламентская ассамблея Совета Европы приняла специальную резолюцию «Опасность креационизма для образования», в которой креационизм был охарактеризован как образ мышления, который «бросает вызов надежно установленным знаниям о природе, эволюции, нашем происхождении и нашем месте во Вселенной» (Там же, с. 32). В демократических странах попытки креационистов внедриться в систему светского образования обречены на провал не только в силу действия научных, но и политических причин. Конституционное право этих стран включает принцип секуляризации и предполагает отделение церкви от государства и системы светского образования от церкви. Любое нарушение этого принципа нарушало бы право человека на выбор вероисповедания, свободу совести, право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. В сущности, креационистские претензии к науке представляют собой не что иное, как посягательство на свободу совести, свободу научных взглядов, навязывание определенного вероучения светской системе образования, попытку ниспровержения демократических институтов, связанных с секуляризацией и возврата к средневековым порядкам и подавлению свободомыслия. И все это подается под соусом равноправия теорий. Какое может быть равноправие между средневековыми предрассудками, выдаваемыми за научную теорию и достижениями реального познания, обретенными человечеством благодаря подвижническим усилиям многих поколений ученых?

Весьма благоприятная для распространения креационизма ситуация сложилась в России. В последнее десятилетие XX века общество устало от перемен, крушения привычного образа жизни и накопившихся в стране. Поэтому первое десятилетие XXI века прошло под знаком традиционализма. Реставрация традиционной религиозности охватила широкие массы населения, столь же широко распространились почвенничество и крайний консерватизм самого различного толка. Рост популярности креационизма в России был связан также с отставанием в развитии инновационной экономики, слабостью научно-технической модернизации промышленности, олигархическим характером крупного бизнеса, зависимостью благосостояния общества от экспорта энергоносителей и застойным характером общественной жизни. Все эти исторические обстоятельства совпали с кризисом биологического эволюционизма и низким уровнем финансирования научной деятельности. Характерной особенностью России явилось то парадоксальное обстоятельство, что «научный» креационизм в ней транслировался не из религиозных конфессий, а из недр самой науки, в результате стремления целого ряда достаточно крупных ученых совместить эволюционизм с креационизмом, а по сути – принести эволюционизм в жертву креационизму, исходя из своих традиционалистских симпатий.

Так, академик В. Струминский в работе о происхождении жизни утверждал, что «живую материю, животный и растительный мир породила Духовная составляющая» для того, чтобы на этой основе «породить творчески активное человечество» (Струминский В.В. Как и зачем возникла жизнь на Земле и других планетах космоса – Вестник РАН, 1995, т. 65, № 1 – с. 38-51).

В учебном пособии для учителей крупнейшего российского генетика Л. Корочкина, написанном в соавторстве с М. Евгеньевым, содержится призыв дать отпор «атеистам всех мастей», не доверять ни религиозному, ни материалистическому фанатизму, и, отвергая буквалистские толкования Библии, переосмыслить ее положения о сотворении и развитии жизни с научных позиций (Корочкин Л.И., Евгеньев М.Б. Эволюционизм и «научный» креационизм (Книга для учителя) – М.: МИОО, 2003 – 104 с., с. 16, 59).

Е. Хлебосолов в «Лекциях по теории эволюции» предлагает определить понятие эволюции в наиболее общем виде «как творческий процесс создания и развития мира, конечная цель которого определяется неведомым нам пока Божественным замыслом». Именно такое определение эволюции, по мнению Хлебосолова, должно стать фундаментом для создания новой эволюционной теории. При этом автор лекций с сожалением признает, что «это определение эволюции не имеет в настоящее время надежных фактических оснований в науке» (Хлебосолов Е.И. Лекции по теории эволюции – М.: УЦ «Перспектива, 2004 – 264 с., с. 20). Но если оснований для такого определения эволюции не существует в науке, позволительно спросить, откуда же берутся подобные основания? И имеют ли они какое-либо отношение к эволюционизму?

Выдающийся российский биолог и историк науки В. Назаров в книге «Эволюция не по Дарвину» предложил сводку недарвиновских концепций и подходов к объяснению эволюционных процессов. Хотя эти концепции и подходы противоречат не только дарвинизму, но и друг другу, он рассматривает их в совокупности как опровержение дарвинизма в целом и предлагает заменить дарвинизм теорией эволюции «сверху», согласно которой импульсы к развитию идут не «снизу», от организмов, популяций и видов, а исключительно из Космоса и биосферы к генотипам.

Такая трактовка космического эволюционизма предполагает, что эволюция управляется с небес, и отсюда вполне однозначно следует вывод о том, что «в объяснении целого ряда закономерностей и самого феномена жизни лучшие умы человечества исчерпали возможности материалистического подхода и вплотную подошли к признанию верховной власти духовной сферы» (Назаров В.И. Эволюция не по Дарвину: смена эволюционной модели – М.: КомКнига, 2005 – 520 с., с. 83).

Для некоторой части рационалистически мыслящей интеллигенции характерен некий остаток религиозных представлений в виде веры в Космический Разум, который направляет и совершенствует эволюцию. Такой космизм далек от конфессиональной догматики, его представители не участвуют в религиозных ритуалах, не чтят святых, считают церковные установления предрассудками и вместе с тем – мифологическим отражением «подлинного» миропорядка. Однако само по себе ограничение эволюции действием Всемирного Разума ставит их «по ту сторону» универсального эволюционизма. Именно такой ограниченный креационизмом эволюционизм характерен для В. Назарова и других поклонников «Космического Разума». Эволюционную упорядоченность они принимают за «разумность».

Отказавшись от дарвинизма, Назаров не находит путей последовательно эволюционного объяснения биологической эволюции и вынужден обратиться за объяснением к «верховой власти духовной сферы». Креационизм, однако, вряд ли приспособлен к роли спасителя эволюционизма и научного миропонимания от его кризисов. В конечном счете креационистские теории сводятся к тому, что указывают на небеса и говорят: «Такова воля Божья!». Но может ли удовлетвориться наука такими объяснениями? И удовлетворят ли они человеческую жажду познания в современном обществе?

Мы считаем чрезвычайно важным, что именно в России наряду с очевидной бурной экспансией «научного» и ненаучного креационизма наиболее интенсивное развитие на базе постмарксизма получил универсальный эволюционизм. Мы всегда верили в демократическое будущее России, в то, что свободомыслие российской интеллигенции в

конечном счете возобладает и поможет России и странам СНГ преодолеть нынешнюю отсталость и создать процветающее инновационное общество.

Аргументы пастора Клоца.

В книге лютеранского пастора Джона Клоца «От создания мира» (Клоц Дж. У. От создания мира – Минск: Лютеранское наследие, 1998 – 251с.) изложены важнейшие аргументы современного креационизма против теории эволюции. Главное отличие современного креационизма от традиционного как раз и заключается в том, что он вынужден использовать науку против науки, применять определённые трактовки научных знаний против мировоззренческих выводов из всей системы научных знаний. Конечной целью любого креационизма, как раньше, так и теперь, является стремление ограничить (или даже опорочить) науку, чтобы освободить место фантастической вере. Поэтому Клоц и начинает свою книгу с анализа научной методологии, имеющего целью доказать, что наука имеет дело не с реальностью как таковой, а только с некоторыми допущениями, основанными на наблюдениях и экспериментах, и эти допущения имеют тенденцию изменяться и даже заменяться на совершенно противоположные.

Клоц рассматривает Библию как своего рода научное произведение, в котором дана классификация живых существ, и ничуть не худшая, чем классификация К. Линнея. Более того, Библия рассматривается как своего рода исторический источник, достоверно («из первых уст» самого Творца) освещающий историю создания мира. «Совершенно очевидно, - пишет Клоц, - что библейское учение о сотворении понятно и никоим образом не двусмысленно. Оно разъясняется вновь и вновь от Книги Бытия до Книги Откровения. Святые писатели исходят из того, что Бог действительно является Творцом неба и земли. Очевидно также, что Писание рассматривает рассказ Книги Бытия о сотворении как исторически достоверный» (Там же, с. 66).

Клоц очень чётко определяет различия между креационистами и эволюционистами в вопросе о происхождении мира. Креационисты полагают, что материя (и энергия) создана властью всемогущего Бога, тогда как эволюционисты убеждены, что она развилась из более примитивных форм естественным путём. Креационисты отвергают извечность материи, полагают, что она имела начало. Эволюционисты настаивают на бесконечности и вечности материи. Креационисты выводят законы существования материи из предустановлений Божьих, эволюционисты – из движения и эволюции. С точки зрения креационистов неживая материя стала живой по божьей воле и с самого начала приобрела огромное разнообразие форм. Эволюционисты воссоздают естественную историю развития форм жизни.

Креационисты считают, что человек создан Богом особо, а не развился из низших организмов. Согласно эволюционному учению, человек произошёл от обезьяньих предков. По мнению креационистов, Бог создал естественные законы, по которым управляет Вселенной, но он может по своей воле их изменять, нарушать и заменять. Поэтому они молятся, прося Бога направить события во Вселенной таким образом, чтобы, если на то будет воля Божья, их желания могли исполниться, даже если они не могут быть осуществлены естественным путём. Эволюционисты не только отрицают чудесные изменения естественных закономерностей, они убеждены в возможностях человека естественным образом преобразовывать мир, осуществлять функции творца по мере прогресса человечества.

Отстаивая догмы креационизма, Клоц наивно возводит библейский миф в ранг конкурентоспособной научной теории, совершенно игнорируя принципиальное различие мифологического мышления от научного объяснения. Если так рассматривать креационистские верования, то почему бы не признать неоспоримой истиной вариант сотворения мира, содержащийся не в древнееврейской, а в древнегипетской, древнеиндийской, китайской или древнегреческой мифологии? В результате такого подхода Клоц всерьёз обсуждает вопрос, были ли древо познания добра и зла и древо

жизни отдельными видами, или же Бог предназначил одному из растений роль тестового дерева.

Далее Клоц исследует Писание именно как исторический источник о создании мира и человека, высказывая ряд наукообразных гипотез по этому поводу. Он резко протестует против отнесения библейской истории создания мира к мифологии, то есть отрицает всю совокупность религиозных знаний по этому поводу. Резко отрицает он и попытки «примирения» креационизма с эволюционизмом, выраженные, например, в представлениях о днях творения как целых исторических эпохах в эволюции Земли, биосферы и человечества. Он требует буквального понимания дней творения, то есть сохранения креационизма в чистом виде, незамутнённом эволюционизмом, причём принятия его за истину, более доказательную, чем научная истина.

С этой целью он посвящает значительную часть своей книги выискиванию и пересказу нерешённых проблем в научных основаниях теории эволюции. В науке, в отличие от религии, всегда есть нерешённые проблемы, дискуссионные вопросы, сферы непознанного, которые побуждают науку к движению вперёд, получению научных знаний, расширению сферы познанного, углублению уже известного. Зато в креационистской доктрине с этим всё в порядке: всё известно на основе принимаемого на веру воображаемого знания, все проблемы решаются путём цитирования боговдохновенных первоисточников, авторитет Писания допускает лишь различия толкований, споры ведутся лишь по поводу правильности понимания и объяснения многочисленных противоречий (которые в религиоведении объясняются различием мифологических наслоений).

Аргументы, которые применяет Клоц против достоверности научного знания, весьма типичны для креационизма в целом. Во-первых, они направлены не столько против науки, сколько против научного мировоззрения и научной веры. Наука без мировоззренческих выводов вполне может быть истолкована в духе креационизма, особенно, если добытые ею знания берутся в отрыве от научного знания как системы.

В связи с этим, во-вторых, Клоц особенно резко протестует против представления многих учёных о «Боге пробелов», то есть о том, что наука прибегает к понятию Бога там, где не находит эволюционных объяснений, и что чем меньше пробелов в научном знании, тем дальше отодвигается идея Бога за пределы уже известного, постепенно теряя своё значение.

В-третьих, Клоц начисто отрицает способность науки, как и во времена Ньютона, объяснять конечные причины исследуемых явлений. Известно, что Ньютон в своих «Началах натуральной философии», сформулировав закон всемирного тяготения, отказался от возможности объяснить первоисточник тяготения, отнеся его к воле Божьей. По мнению Клоца, так происходит в науке и сейчас. «Действительность такова, - утверждает пастор, - что мы отказались от попыток объяснения того, что физики называют «исходным состоянием». Одно время считалось бесспорным, что такие феномены, как электричество, магнетизм и гравитация могут быть объяснены на основании причинно-следственных связей. Сегодня мы понимаем, что мы никогда не сможем объяснить эти феномены. В лучшем случае, нам под силу лишь их описать» (Там же, с. 103).

Из этой цитаты хорошо видно, что опорой современного креационизма является недостаточное знание состояния науки (которая далеко продвинулась в объяснении этих природных процессов и материи в целом), а также явный агностицизм, то есть уверенность в том, что наука никогда не узнает первопричины природных явлений. Однако такой первопричиной с точки зрения научного знания как системы и является эволюция. Но агностический подход как раз и означает признание «Бога пробелов» в знании, против образа которого автор книги только что решительно протестовал. Пробелы заполняются посредством изучения механизмов эволюции, которые не имеют никакого отношения к деснице Божьей.

В конечном счёте, само развитие научного знания служит основанием новому креационизму для отрицания теории эволюции и следующих из неё мировоззренческих

выводов. Ведь развитие связано с отказом от многих прежних представлений. Впрочем, явно неадекватная и тотальная критика науки со стороны религиозно ангажированного сознания может по определённым позициям оказываться полезной. Тем более, что для критики приходится становиться на научную почву и противопоставлять подходы одних учёных другим. К сожалению, эта критика почти всегда носит невежественный, популистский и крайне консервативный характер.

Все эволюционные процессы креационист объясняет «божественным планом». Этим же объясняется «сходство человека и обезьяны»: для их создания Бог мог использовать сходный план. При этом снова делается попытка обернуть всё, что известно из науки против выводов из той же науки. В результате науке противопоставляются не выводы, а домыслы, основанные опять же на служении «Богу пробелов»! Доводы креациониста имеют всегда одну и ту же структуру: раз учёные спорят по какому-либо поводу, значит, наука ничего не знает о том, что она открыла, Писание же знает, поскольку вдохновлено Богом.

В конечном счёте, креационизм не находит ничего лучшего, кроме как обвинить эволюционизм в бессмысливании существования. И в какой-то степени эти обвинения справедливы вследствие недостроенности научного мировоззрения, отсутствия в нём системы, отсутствия яркой и свободомыслящей научной веры, придающей смысл человеческому бытию, помогающей его осмыслить, вносящей культуру и мобилизационную активность во внутренний духовный мир человека. Без научно обоснованной и художественно окрашенной веры эта задача неосуществима.

Между тем, выработать основы веры, не противоречащей знанию, а базирующейся на нём, выявить подлинный, а не иллюзорный смысл человеческого существования и человеческой истории может только научно-гуманистический эволюционизм. Ибо в мире нет и не может быть ничего вне эволюции и кроме эволюции, не может быть и смысла вне эволюции и над ней. Смысл жизни как раз и заключается в оптимизации эволюционных процессов и оптимизации на этой основе человеческой жизнедеятельности и социальной среды.

Претендуя на объяснение всего, чего угодно, креационизм, в сущности, ничего не объясняет. Наоборот, он лишь отрицает естественные объяснения, подставляя на их место волю Творца. Никакого нового знания и знания вообще такие объяснения не дают, что подметил ещё Ч. Дарвин, критикуя взгляды, выраженные в наиболее рельефном виде в положении Дж. Ле Конта о том, что «каждый вид введён путём прямого чудесного вмешательства высшего разума». «Тот, кто верит в отдельные и бесчисленные акты творения, - подчёркивал основатель эволюционной биологии, - может сказать, что в этих случаях Творцу было угодно, чтобы существо известного типа заняло место существа другого типа, но мне кажется, что это было бы простым повторением факта, только более высоким слогом».

[Лев КРИВИЦКИЙ \(Беларусь\)](#) - 14 июля 2017

<http://webkamerton.ru//2017/07/evolucionizm-i-kreacionizm>